

Дуань Юньшэнь:

— Если бы дворцовые повара могли это приготовить, было бы проще. Это сегодня князь Цзя мне дал. Говорит, что это из старой лавки за пределами дворца, во дворце такого не найдёшь.

Цзин Шо, убирая фигуры, замер и поднял взгляд на Дуань Юньшэня: ?

Дуань Юньшэнь: ...

Он с опозданием осознал:

— Я сказал что-то не то?

Цзин Шо:

— Как ты сам считаешь?

Получил пирожные от противника, нашёл их вкусными и теперь хвалит их перед своим начальником.

... Это что за самоубийственная операция?

Дуань Юньшэнь:

— Я могу объяснить!

Цзин Шо:

— Да?

Дуань Юньшэнь:

— Моя преданность очевидна, как солнце и луна! Я просто нашёл эти пирожные вкусными и хотел, чтобы Ваше Величество тоже попробовал. Я забочусь о Вас!

Цзин Шо:

— Пирожные от князя Цзя, ты не боишься, что я отравлюсь?

Дуань Юньшэнь:

— Нет, я заранее попробовал их.

Он съел половину в обед, а потом, размышляя, доел оставшуюся часть. Преданность, как солнце и луна, заключалась в том, что он оставил кусочек для императора.

Действительно, очень преданный.

Цзин Шо продолжал убирать фигуры, затем снова поставил одну. Дуань Юньшэню показалось, что на этот раз он поставил её с особой силой, с громким «тук», будто доска могла прогнуться от одного звука.

Дуань Юньшэнь сглотнул:

— Я больше не буду.

Цзин Шо:

— Что именно не будешь?

Дуань Юньшэнь:

— Не буду брать у других людей еду для Вашего Величества.

Цзин Шо:

— Неправильно.

Дуань Юньшэнь:

— Неправильно?

Цзин Шо:

— Ты действительно ошибся, но не в этом. Подумай ещё — твой ход.

Дуань Юньшэнь: ...

Даже если я сосредоточусь на игре, я всё равно не выиграю. А если я буду думать сразу о двух вещах, анализируя, в чём я ошибся, то как я могу выиграть?

Дуань Юньшэнь осторожно поставил фигуру.

...

Он проиграл ещё пять партий подряд, и его терпение лопнуло. Он больше не хотел играть.

Цзин Шо взглянул на его лицо, раздумывая, не стоит ли дать ему выиграть.

Но на его лице не было и тени сомнения:

— Любимая наложница, поняла, в чём ошибка?

Дуань Юньшэнь:

— Я не должен был оставлять Вашему Величеству только один кусочек?

Цзин Шо пояснил:

— Ошибка в том, что ты вообще взял что-то от кого-то другого.

Дуань Юньшэнь: ...

Цзин Шо:

— В следующий раз, если повторится, я накажу тебя.

Дуань Юньшэнь машинально коснулся своей шеи.

Рана от укуса всё ещё болела.

Цзин Шо:

— Конечно, если ты хочешь, чтобы я тебя наказал, можешь просто сказать мне.

Нет, ни за что!

В этот момент снаружи раздался звон колокола, возвещающий о наступлении полуночи.

Дуань Юньшэнь вздрогнул, осознав, что уже так поздно.

И тут возник вопрос: глубокая ночь, новый день. Нужно ли ему сейчас возвращаться во дворец или сначала поцеловать тирана.

В его голове закипели мысли, пытаюсь рассчитать, насколько велика вероятность успеха, если он сейчас поцелует Цзин Шо.

Цзин Шо тоже осознал, что уже так поздно, и спросил:

— Ночь уже глубокая, не хочешь ли остаться здесь сегодня?

Дуань Юньшэнь: ?!?!

...

Дуань Юньшэнь:

— Нет, я ведь пришёл сюда без разрешения. Если меня обнаружат...

Цзин Шо посмотрел на него.

Все уже обнаружили.

Дуань Юньшэнь каждый день приходил сюда, и это было практически открытой тайной. Во дворце все знали, просто никто не говорил.

В конце концов, у Цзин Шо был слишком скромный гарем, и там была всего одна наложница. Никто не собирался разоблачать того, кто «добивался милости» не совсем честными методами.

Цзин Шо:

— А если я скажу, что хочу, чтобы ты остался? Только на сегодня.

Дуань Юньшэнь:

— Я могу спросить, почему?

Цзин Шо поставил фигуру и снова выиграл.

Дуань Юньшэнь: ...

Цзин Шо:

— Хочешь услышать правду?

Неужели я спрашиваю, чтобы услышать ложь?

Цзин Шо:

— Я думаю, что сегодня мне будет трудно уснуть.

Дуань Юньшэнь на мгновение задумался, а затем понял.

Возможно, из-за его матери.

Он сам пришёл сюда, задал вопросы, вскрыл старые раны, а потом собрался уйти. Это действительно было не очень правильно.

И судя по реакции Цзин Шо ранее, он действительно хотел поговорить с ним о своей матери.

Но почему-то передумал и вдруг захотел играть в шахматы.

Дуань Юньшэнь:

— Тогда, Ваше Величество, поцелуйте меня, и я останусь здесь с Вами сегодня.

Цзин Шо взглянул на шахматную доску:

— Если ты выиграешь у меня одну партию, я поцелую тебя.

Дуань Юньшэнь: ...

Тогда я могу просто поцеловать тебя насильно!

Я очень смелый, знаешь ли.

Поцелую и убегу, это мой конёк!

Цзин Шо уже убрал свои фигуры, и Дуань Юньшэнь, немного подумав, тоже убрал свои.

Сначала попробую, вдруг я выиграю?

Он поставил фигуру.

Цзин Шо поставил фигуру.

Дуань Юньшэнь долго думал, поставил фигуру.

Цзин Шо поставил фигуру.

Дуань Юньшэнь глубоко задумался...

Через несколько ходов, когда он собирался поставить следующую фигуру, Цзин Шо указал на диагональ на доске:

— Ты выиграл.

Дуань Юньшэнь: ??

Дуань Юньшэнь: !!!

Я выиграл!

Мама, я смог!

Дуань Юньшэнь чуть не подпрыгнул от радости и готов был побежать кругами.

После стольких проигрышей он наконец выиграл, и слёзы радости навернулись на глаза.

Цзин Шо спокойно убирал фигуры, а Дуань Юньшэнь подскочил к нему и повернул его лицо к себе.

Цзин Шо: ...

Цзин Шо подумал, что это неслыханная дерзость.

Но он ничего не сказал, лишь в глазах мелькнула лёгкая улыбка.

Дуань Юньшэнь:

— Ваше Величество, я выиграл.

Цзин Шо:

— Да.

Дуань Юньшэнь:

— Тогда я возьму свою награду?

Цзин Шо:

— Бери... Ммм...

Дуань Юньшэнь обнял его и чмокнул, как щенок.

В голове раздался голос системы.

Дуань Юньшэнь не отпускал, их губы слегка соприкасались, слегка потирая друг друга.

Цзин Шо: ...

Цзин Шо раздумывал, не стоит ли научить свою наложницу не тереться так, когда она сама отпустила его.

Да, отпустила вовремя.

Дуань Юньшэнь радостно сказал:

— Я пойду приготовлю постель для Вашего Величества.

Сегодняшнее задание выполнено, впервые так рано. Как же я счастлив!

Цзин Шо смотрел на его спину, смеясь и плача одновременно, пальцами касаясь своих губ, а затем снова взглянул на шахматную доску.

Он не ожидал, что даже намеренно поддаваясь, ему потребуется столько ходов, чтобы помочь ему собрать пять в ряд.

Он убирал фигуры одну за другой, кладя их в коробку.

Он всегда играл очень серьёзно, планируя стратегии и устраивая засады. Редко когда он играл так, как сегодня.

Без особых усилий, просто играя, и это было приятно.

Дуань Юньшэнь закончил готовить постель и вернулся, чтобы перенести своего тирана.

Уложив его на кровать, он помог ему раздеться и снять сапоги. Когда всё было готово, он сам забрался под одеяло.

Дуань Юньшэнь больше не беспокоился.

Тиран был инвалидом, к тому же, возможно, не мог ничего сделать, так что ему не нужно было беспокоиться о своей безопасности.

Он заснул почти сразу, но в полусне почувствовал, как кто-то поправляет одеяло.

Осенние ночи уже были прохладными, и движения того, кто поправлял одеяло, слегка охладили его. Он перевернулся и потянулся к источнику тепла.

Цзин Шо: ...

Дуань Юньшэнь без лишних слов зарылся в его грудь, спрятав голову под одеялом.

Цзин Шо немного подумал, а затем обнял его, чувствуя, как тепло наполняет его.

Хотя ночью он спал, обняв кого-то тёплого, Цзин Шо всё равно видел кошмары.

Он не помнил, что ему снилось, но, проснувшись, он всё ещё чувствовал, как будто что-то потерял. Гнев и обида оставались в его сердце, и, проснувшись, он был полон ярости.

В этот момент человек в его объятиях слегка пошевелился, потёрши лбом его грудь. Он слышал ровное дыхание Дуань Юньшэня.

Он обвинил его, как осьминог.

Раньше они спали вместе несколько ночей, и тогда он не был таким беспокойным.

Цзин Шо вытащил его из своей груди, и Дуань Юньшэнь слегка застонал, но не проснулся.

На его лбу выступил пот, и он казался горячим.

Цзин Шо погладил его волосы и поцеловал в лоб.

Этот человек говорил, что даже если бы был другой путь, он бы не выбрал его. Ему нужен был только он.

Сегодня он выбрал довериться ему и не ушёл.